

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРЯМОМ ДЕЙСТВИИ НОРМ ОСНОВНОГО ЗАКОНА В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

Статья посвящена вопросам закрепления прямого действия норм Конституции. Проведен сравнительно-правовой анализ отечественного и зарубежного опыта, а также выделены основные тенденции понимания непосредственного действия конституционных норм, сложившиеся в советский период и при обсуждении проектов Конституции Российской Федерации. На основе указанного исследователем выработан собственный подход к современной трактовке терминологического оборота «прямое действие Конституции Российской Федерации» и уточнены его компоненты.

Ключевые слова: прямое действие конституции; нормы Конституции РФ; Конституция РФ; конституции зарубежных стран; непосредственное действие Конституции РФ.

В современных реалиях, когда Россия стремится к построению правового государства и развитого гражданского общества, теоретико-методологические основы прямого действия Конституции требуют научного обоснования, впрочем, как и само воплощение этого феномена в процессе правовой деятельности. Цель данного исследования – основываясь на предыдущих достижениях юриспруденции выработать авторский подход к современной трактовке терминологического оборота «прямое действие Конституции Российской Федерации», уточнить его компоненты, что представляется объективно необходимым в связи с отсутствием его окончательной легальной интерпретации.

При обращении к опыту других государств было обнаружено, что в конституциях зарубежных стран, как правило, формула «прямое действие конституции» не обозначается. Однако, скажем, в США благодаря сложившейся судебной практике Конституция 1787 г. является главным «мерилом» в разрешении споров. Это можно продемонстрировать на примере одного из решений Верховного Суда США, в котором говорится: «Если суды принимают во внимание конституцию и конституция обладает верховенством по отношению к какому-либо акту законодательного органа, то конституция (а не обычный акт) должна применяться в деле, к которому применимы оба акта – и конституция, и обычный акт. Те, кто оспаривают принцип, по которому конституция должна рассматриваться в суде как высший закон, должны признать, что суды должны закрывать глаза на конституцию и видеть только закон. Такая доктрина подрывает сами основы всех писаных конституций» [1. С. 103]. И хотя данная иллюстрация показывает лишь одну из составляющих прямого действия Конституции – ее прямое применение судами, предложенный фрагмент решения говорит о том, что в США специфика действия конституционных норм стала признаваться значительно раньше, чем в отечественной государственно-правовой доктрине.

Е.В. Гриценко справедливо обращает внимание на то, что «в отличие от американской Конституции, прямое действие канадской Конституции, имеющей некодифицированный характер, гарантируется в тексте Хартии прав и свобод Конституционного акта Канады 1982 г., прежде всего через провозглашение прямого применения конституционных прав и свобод» [2. С. 6]. Однако, по нашему мнению, это не ука-

зывает на прямое действие самих конституционно-правовых норм.

По меткому замечанию И.А. Кравца, «концепция прямого действия конституции особенно актуальна для постсоциалистических государств, в которых длительное время конституционные нормы не играли роли реальных правовых регуляторов». Например, конституции Украины, Таджикистана, Казахстана и некоторых других стран содержат в своих текстах различные формулировки о непосредственном действии конституционных норм [3. С. 350–351]. Обращаясь же к конституционно-правовому тексту Литовской Республики, можно обнаружить в ст. 6 следующее: «Конституция является целостным и непосредственно применяемым актом» [4], а Конституция Республики Болгарии от 12 июля 1991 г. указывает в ст. 5: «Конституция – высший закон, и другие законы не могут ей противоречить. Предписания Конституции имеют непосредственное действие» [5]. Вместе с тем опять обращает на себя внимание, что прямое действие Конституции, несмотря на возможность предположения, что оно подразумевается, все же не оказалось закреплено.

Здесь важно подчеркнуть, что Основные законы постсоциалистических государств были приняты после распада Советского Союза и создавались под влиянием конституционно-правовой доктрины России, провозглашавшей реальность прав и свобод человека и гражданина, а также начало строительства правового государства. Это является весьма логичным в силу изменяющейся общественно-политической обстановки, а также обнародования Всеобщей декларации прав человека 1948 г. отечественным государством в конце 80-х – начале 90-х гг.

Вместе с тем конституционная новация «прямое действие» основана на опыте конституционного регулирования других государств, что отмечает А.Н. Кокотов, приводя в качестве примера Основной закон Федеративной республики Германии 1949 г., который закрепляет: основные права обязательны для законодательной, исполнительной власти и правосудия как непосредственно действующее право [6. С. 59].

В этом контексте обратим внимание на мнение К. Хессе, высказанное применительно к Основному закону ФРГ (1949 г.): «Причина несовершенства Конституции заключается в недостаточности только одного конституционно-правового урегулирования. Конституция не кодифицирует, а только регулирует,

часто больше догматично и только в общих чертах, то, что кажется важным и требующим определения. Все остальное или обусловлено уже заранее, или должно обрести форму и быть конкретизировано при помощи прочих средств правового порядка. Поэтому Конституция с самого начала не претендует на завершенность или, более того, на системную законченность». По его мнению, Конституция порождает действия, составляющие ее функции в жизни общества, независимо от «открытости» или «закрытости» (завершенности) ее предписаний [7. С. 31–46].

В практике Конституционного суда Австрии неоднократно подтверждалась неотчуждаемость сущностного содержания – ядра основного права, что уточняет Е.В. Гриценко, подводя итог следующим решением Конституционного суда Австрии: «Законы противоречат основному праву, если они вторгаются в его существо, особенно когда такое вторжение равносильно отмене права. Функция основных прав состоит в установлении ориентиров для текущего законодателя» [2. С. 10–11].

Таким образом, в результате анализа Конституций зарубежных государств было выявлено отсутствие легального и четкого закрепления их прямого действия, что обусловлено не только различиями в правовых системах, но и в формах правления, действующих на момент принятия конституций, а также условий жизни самого общества и политических режимах. Полагаем, чтобы закрепить «прямое действие Конституции» не только доктрине, но и практике необходимо было накопить определенный опыт.

Ранее действовавшим отечественным конституциям (в частности, Конституции РСФСР 1918 г., Конституции СССР 1924, 1936, 1977 гг. и соответствующим им Конституциям РСФСР 1925, 1937, 1978 гг.) конструкция «прямое действие» была неизвестна, а следовательно, отсутствовала и практика прямого применения норм Основного закона.

Одной из главных причин вышеуказанного положения дел является отсутствие обоснования идеи о необходимости существования самой конституции, что подтверждается следующим: вопросы, рассматривающие термин «конституция» в общем смысле, начинают подниматься отечественными государствоведами только в начале XX в. До этого периода российских и зарубежных юристов интересовали вопросы, связанные с определением понятия «закон», соотношением закона и права [8, 9], верховенством права [10]. Более активные размышления о термине «конституция» появляются в начале XX в. в трудах Ф. Лассалю, А.И. Елистратова, А. Дзевелегова, П.И. Стучки, Н.И. Лазаревского и др.

Объяснение указанному феномену дал Б.Н. Чичерин, выделивший причины возбуждения конституционного вопроса:

1) дворяне, лишившись крепостного права, думали этим путем сохранить обломки своих утраченных преимуществ и связать настоящее с прошедшим;

2) либералы желали воспользоваться этим случаем, чтобы с помощью возбужденных страстей провести конституционные идеи;

3) наличие конституций в соседних государствах, с которыми России приходилось сотрудничать [11. С. 4–8].

Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье видели, по справедливому мнению Н.В. Витрука [12. С. 5], сущность конституции в общественном договоре, на основе которого утверждались естественные права человека, народный суверенитет, принцип разделения государственной власти на ветви власти в организации и функционировании органов власти и т.д.

И хотя термин «конституция» (вошедший во всеобщее употребление с XVIII в.) рассматривался учеными и ранее, это существовалось не в правовом смысле, а в смысле государственного устройства, о чем пишет Георг Еллинек [13. С. 6].

Позже при изучении термина «конституция» мнения большинства правоведов сходились в следующем: он соответствует смыслу выражения «основной закон» [14. С. 302–303; 15. С. 192–195], согласно которому организуется управление государством и регулируются отношения в обществе. Были, безусловно, и иные позиции, где основной акцент делался на классовой сущности конституции и тезисе «конституция – соотношение сил в классовой борьбе» [16. С. 16; 17. С. 81], однако в рамках данного исследования подобный подход к рассматриваемому термину не пригоден.

Вторая причина неизвестности отечественной науке «прямого действия» конституции кроется в отсутствии длительное время специализированного органа конституционного контроля, благодаря деятельности которого положения Основного закона находили бы полноценную охрану и защиту.

Третья причина – чрезмерное ведомственное нормотворчество, которое приводило к обесцениванию конституционных норм и нарушению иерархии построения всей системы источников конституционного права, ослаблению авторитета Основного закона.

Как результат, господство получает постулат о том, что отечественные конституции не являлись регуляторами общественных отношений в силу абстрактности своих норм. Однако следует обратить внимание на предпринятую попытку сделать нормы Конституции СССР 1977 г. реальными, прямодействующими. Так, в ст. 58 Основного закона СССР 1977 г. речь шла о праве граждан на обжалование действий должностных лиц, если эти действия совершены с нарушением закона и причиняют им ущерб. С одной стороны, факт закрепления такой нормы – уже достижение, с другой – в статье говорилось о необходимости опираться на установленный законом порядок, но последний был принят по истечении примерно десяти лет, и в его рамках допускалось обжалование только незаконных решений должностных лиц, которые были вынесены единолично [18. С. 98]. Таким образом, реального правового механизма обеспечения прямого действия Конституции так и не сложилось, несмотря на формальную схожесть с современным подходом.

Известно, что нормы Конституции устанавливают основы государственной и общественной жизни. В дальнейшем некоторые предписания Основного закона могут быть конкретизированы в текущем законодательстве. Вместе с тем, во-первых, не все они нуждаются в подобной детализации; во-вторых, несмотря на необходимость раскрытия их «потенциала» посредством конкретизации, у субъектов права есть возмож-

ность напрямую сослаться на статью Основного закона. И хотя, как уже было проиллюстрировано, отечественной практикой ранее прямое действие формально закреплялось, в науке Советского государства и права последовательно изучалось правило непосредственного действия конституционно-правовых норм.

Можно выделить три основные тенденции понимания непосредственного действия конституционных норм, сложившихся в советский период:

1) в силу того что нормы Конституции абстрактны, политизированы, они не могут порождать каких-либо правовых отношений, следовательно, не могут применяться непосредственно;

2) так как нормы Конституции обладают высшей юридической силой, а конкретизация – лишь способ наиболее полной реализации конституционных предписаний, нормы Основного закона действуют непосредственно;

3) конституционные нормы могут соединять в себе непосредственную и опосредованную формы действия (как следствие этой идеи были предприняты попытки классификации конституционных норм в зависимости от необходимости их конкретизации текущим законодательством).

В связи с этим обращает на себя внимание эволюционность развития представлений о прямом действии Конституции: от отрицания его как такового до концепции непосредственного и опосредованного действий.

Рассматривая более подробно каждое из направлений исследований, отметим: первое утверждало идею о том, будто нормы Конституции не могут быть применены непосредственно и не порождают каких-либо конкретных правоотношений. К сторонникам данной позиции относится Н.П. Томашевский, приводящий в качестве примера положения ст. 4 Конституции СССР 1936 г.: «Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком». Он отмечал, что эти постулаты хотя и имеют огромное политическое значение, но не предназначены для непосредственного применения к каким-либо конкретным случаям и не порождают каких-либо конкретных правоотношений между определенными лицами (в отличие от обычных норм права) [19. С. 199].

Р.Х. Вильданов имел схожие мысли о нормах Конституции, утверждая следующее: нормы Конституции слишком широки, а потому не могут начать непосредственно действовать, не нуждаясь в детально разработанных законах и административных актах. Он указывал на сферу распределения конституционных положений, которая, на его взгляд, касается общих задач и широких сфер действия, и лишь самое незначительное их меньшинство могло бы действовать без специальных законов и распоряжений. Однако ученый не отрицал их огромной юридической силы, ибо главную цель конституционных предписаний он усматривал в создании легальной основы нового правопоряд-

ка, в связи с чем нормы не оставались лишь голыми «программами» будущих реформ [20. С. 77].

Исходя из изложенных тезисов, представляется возможным обратить внимание на следующее: учеными подчеркивалась мысль о «широте» конституционных установлений, однако, по нашему мнению, они рассматривали конституционные нормы в отрыве от возможного возникновения на их основании правоотношений, что ставит под сомнение нормативность конституционных предписаний.

Второе направление сводилось к абсолютно противоположному утверждению (по сравнению с первым): непосредственное действие всех конституционных норм без исключений. Данную идею позиционировал в своих трудах Ю.П. Еременко, указывающий, что Конституция во всех случаях является актом непосредственного действия. В соответствии со ст. 173 Основного закона СССР 1977 г. все без исключения конституционные нормы обладают наивысшей юридической силой и потому имеют приоритет в своем применении по отношению к нормам текущего законодательства. Рассматриваемое им действие конституционных норм проявлялось и в случае их совместного применения с нормами текущего законодательства [21. С. 112–113].

В.А. Ржевский поддерживал эту же позицию, дополнительно утверждая не описательность (дефинитивность) конституционно-правовых норм, а оказываемое ими непосредственное регулирующее воздействие на общественные отношения, которое выражается в прямом регулировании поведения людей, минуя правоотношения (например, вне правоотношений могут быть реализованы нормы, определяющие компетенцию тех или иных организаций, органов государства; нормы, выражающие юридические гарантии – право союзных республик на свободный выход из состава Союза ССР, порядок разрешения разногласий между палатами Верховного Совета СССР и т.п.). Также, по мнению государствоведа, отсутствовали основания отрицать непосредственный характер предписаний общих конституционных норм независимо от реализации последних в правоотношениях или вне их. Это можно проследить на следующих практических иллюстрациях: 1) осуществление правового статуса граждан обеспечивается непосредственным закреплением основных прав и обязанностей в конституции; 2) осуществление компетенции зачастую происходит до стадии возникновения правоотношений либо вообще не требует, чтобы государственные органы вступали в юридические отношения с другими субъектами [22. С. 27–28].

Ученый С.Л. Зивс в период существования Конституции СССР 1977 г. предлагал для обоснования тезиса о непосредственном действии конституционных положений начать с обратного, прибегнув к возможному контраргументам. С этой целью использовались следующие утверждения: во-первых, в конституционных нормах не всегда содержится адресованные определенным субъектам требования; во-вторых, сама конституция не определяет мер, предотвращающих нарушение ее положений; в-третьих, правовые гарантии охраны конституционных положений установлены нередко не самой конституцией, а закрепля-

ются в нормах текущего законодательства. Очевидно, что для реализации конституционных положений требуется весьма сложная совокупность опосредствующих нормативных предписаний, отмечал ученый, но это обстоятельство никак нельзя рассматривать как отрицание непосредственного действия конституционной нормы. И здесь Зивс приводит интересную иллюстрацию: порядок реализации конституционных гарантий правосудия детализируется нормами процессуального права. В частности, осуществление права обвиняемого на защиту обеспечивается целой системой процессуальных средств. Вместе с тем нарушение любого из конкретных процессуальных предписаний, относящихся к праву обвиняемого на защиту, есть нарушение именно конституционной гарантии гражданина, наносящее урон конституционному облику правосудия. В этом он усматривал безусловную категоричность конституционных предписаний, возвышенный пафос действия конституционных гарантий, воспринимаемых сознанием граждан как незыблемые выражения общенародной воли [23. С. 73–79].

Помимо проблем научного обоснования непосредственного действия конституционно-правовых норм существовали еще и трудности при непосредственном применении Конституции СССР 1977 г., о чем также писал С.Л. Зивс, отмечая особенности судебной и административной практики: фактически применялось конституционное положение, однако в качестве правового обоснования конкретного решения использовалась опосредующая норма права. При этом ученый приводил характерные примеры: при отмене приговора ввиду нарушения конституционного права на защиту нередко делается ссылка не на статьи Конституции, а на производные нормы Уголовно-процессуального кодекса; Пленум Верховного суда СССР в своих руководящих разъяснениях [24. С. 279] в ряде случаев указывал на недопустимость несоблюдения конституционных положений, но это имело место далеко не во всех ситуациях, когда в действительности речь шла о реализации конституционных норм [25. С. 15]. Зивс справедливо говорил: подобное отношение к конституционным нормам подрывало уверенность граждан в том, что любая конституционная норма действует реально и действует непосредственно, а опосредующие нормы не воспринимались в таких случаях как вспомогательные средства реализации конституционного веления [23. С. 75–79]. По нашему мнению, в государстве, где основным законом является конституция, подобное отношение к ней недопустимо. Мало создавать авторитет конституционных норм на словах, необходимо обеспечивать их реализацию.

Б.Н. Топорнин, анализируя развитие и конкретизацию конституционных положений в текущем законодательстве, полагал, будто оно (развитие) имеет первостепенное значение для реализации конституции, ибо без этого действие некоторых ее статей может быть неполным и малоэффективным. Однако, с его точки зрения, непосредственное действие конституции не нуждается в особом доказательстве. Как закон, причем высший, основной закон, конституция (об этом, на его взгляд, говорит пример Конституции СССР 1977 г., конституций союзных и автономных республик 1978 г.) вступает в

силу после ее утверждения, в соответствии с существующим порядком, в полном объеме без каких-либо ограничений. Все положения конституции обладают одинаковой юридической силой, и было бы необоснованно проводить между ними по этому признаку какие-либо различия. Все конституционные нормы – без каких-либо изъятий – действуют непосредственно [26. С. 7–8]. Следовательно, они могут быть непосредственно, прямо реализованы.

По мнению Н.А. Бобровой, необходимость конкретизации норм Основного закона не является поводом к отрицанию их непосредственного действия [27. С. 134]. И действительно, учитывая, что Конституция является ядром действующего законодательства, его основой, конкретизация в связи с этим выглядит как само собой разумеющееся явление, не отрицающее приоритета конституционных норм.

Опираясь на вышеизложенные идеи, обратим внимание на следующее: вторая точка зрения находила в науке государственного права больше поддержки, нежели первая. Однако исследование окажется неполным, если не упомянуть третье направление юридической мысли, согласно которому Конституция имеет непосредственное действие, но не все нормы могут быть непосредственно реализованы.

Так, например, заслуживает интереса классификация конституционных норм, предложенная И.Е. Фарбером, основанием для которой является их связь с правоотношениями:

1) общие нормы, которые не формулируют прав и обязанностей участников правоотношений, они формулируют нормы-принципы, исторические справки, определенные задачи. Эти нормы с точки зрения их правового значения служат политико-правовой базой для текущего законодательства и всей правоприменительной деятельности государства;

2) частные нормы, которые формулируют права и обязанности возможных участников правоотношений и служат непосредственно или с помощью норм других отраслей права предпосылкой правоотношений.

По мнению правоведа, такого рода классификация конституционных норм позволяет расчленить их юридические свойства, более точно определить их структуру [28. С. 45–75]. То есть, по идее, в данном контексте возможно говорить о непосредственном и опосредованном конституционно-правовом регулировании, а также о непосредственном и опосредованном действии конституционных норм.

М.А. Шафир писал, что не все конституционные нормы могут служить прямым основанием для решения ряда конкретных дел и их реализация связана с принятием соответствующего текущего законодательства, хотя, в целом, непосредственность действия конституционных норм им признавалась [29. С. 13].

Н.А. Боброва и Т.Я. Насырова пытались ответить на вопрос: если конституция обычно реализуется через конкретизирующие нормативно-правовые акты, то может ли она реализоваться непосредственно и когда именно? Они обнаружили, что все нормы конституции являются непосредственно действующими. Но в одном случае они действуют вместе с иными нормами, а в другом, ввиду отсутствия таковых, – отдельно,

причем это правило, по их идее, имеет значение не только для норм общерегулятивного характера и непосредственно регулирующего действия, но и для положений раздела Конституции, содержащего нормы-принципы, нормы-цели, пронизывающие все иные конституционные нормы и текущее законодательство, служащие политико-правовым ориентиром при их толковании в правотворчестве и правоприменении. В случаях же опосредствующей правоприменительной деятельности конституционные нормы непосредственно не применяются, т.е. на них нет прямых ссылок в индивидуальных правоприменительных актах и они не рассматриваются в качестве нормативного основания для решения конкретных жизненных ситуаций, например, при реализации права на труд, отдых и т.д. [30. С. 50–60].

В.А. Федосова указывала на абстрактность конституционных норм, и как следствие этого, по ее мнению, наряду с непосредственным действием конституционных предписаний их реализация в ряде случаев осуществляется через систему опосредующих эти нормы правовых звеньев. Следовательно, разновидности органических законов и подзаконных актов советского государственного права были призваны развивать, конкретизировать конституционные нормы и обеспечивать их точное и повсеместное исполнение, т.е. выполнять функцию непосредственного регулирования общественных отношений [31. С. 15]. Иначе говоря, исходя из изложенной идеи, законы должны быть «реализаторами» конституционных норм.

В развитие этой позиции, представляется возможным обратить внимание на труды Ю.А. Тихомирова, который в своих исследованиях (до появления Конституции Российской Федерации) рассматривает те виды правовой связи с другими правовыми актами, которые чаще всего использует Конституция. Например, «в соответствии с законом», «в порядке, установленном законом», «в случаях, предусмотренных законодательством», «определяются законодательством» и т.п. Таким образом, очевидно, что применяются разные формулы соподчиненности Конституции и законов, и одновременно конституционные нормы становятся как бы составной частью этих актов. Применяются различные формы реализации конституционных положений. Причем то или иное воспроизведение норм Конституции допустимо, очевидно, только в нормах законов, а не других актов. Возможны его разные варианты: полное воспроизведение нормы конституции в соответствующей норме закона, воспроизведение нормы и вместе с тем дополнение, разделение конституционной нормы на составные части и их детальная конкретизация в виде самостоятельных норм законов, воспроизведение в измененном виде ряда конституционных норм в одной норме текущего закона. Ученый резюмирует: «Исходя из признания конституции как акта непосредственного действия, можно согласиться с возможностью ее применения и в тех случаях, когда отсутствует закон, призванный конкретизировать норму конституции, а также для толкования норм текущего законодательства, мотивировки и обоснования актов применения права» [32. С. 81–86]. Полагаем, «непосредственное

действие» в данном контексте близко современному понятию «прямое действие».

Таким образом, в рамках данного подхода представляется возможным обратить внимание на принятую учеными попытку выделения непосредственного и опосредованного действий конституционных норм.

Кроме обозначенных идей, интересной представляется классификация норм Конституции СССР 1977 г. по признаку полноты воздействия на общественные отношения, предложенная А.И. Кимом: 1) те, которые воздействуют на общественные отношения исчерпывающим образом и для достижения необходимого социального эффекта не нуждаются в текущем законодательстве; 2) те, которые, также действуя непосредственно, тем не менее, допускают конкретизацию в актах текущего законодательства; 3) те, которые для полного раскрытия и наиболее эффективного применения их к конкретным отношениям непременно нуждаются в текущем законодательстве [33. С. 3–4]. Приведенная классификация норм Основного закона примечательна тем, что является нетрадиционной, ее автором рассматриваются не два возможных пути действия Конституции – непосредственный и опосредованный, а три, которые можно было бы обозначить как непосредственный, условно непосредственный и опосредованный.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что советские основные законы фактически не имели прямого действия. Но, несмотря на некоторые трудности, именно в тот период берет свое начало доктринальное развитие этого свойства. И к концу 80-х – началу 90-х гг. четче высказываются идеи о возможности прямо ссылаться на нормы Конституции. Указанные тенденции связаны с утверждением в нашей стране доктрины правового государства, в условиях которого всеобъемлющий характер правового регулирования должен опираться в первую очередь на принцип конституционализма, предполагающий реальное верховенство Конституции по отношению ко всем иным нормативным актам государства, функционирование всех государственно-политических институтов в соответствии с Конституцией. Для достижения этого результата в иерархии нормативных актов Конституции как Основному закону готовилось главенствующее место, законы должны были стать в максимальной степени нормами прямого действия, а число подзаконных, административных актов должно было сократиться, должен был сложиться реальный механизм проверки соответствия законов и иных нормативных актов Конституции и отмены их в случае признания неконституционными [34. С. 284]. В реальности, как в советский период, так и в современный, необходимо принять массу подзаконных актов, дабы сделать действующим хотя бы один закон.

В конце 1989 г. академик А.Д. Сахаров представил свой проект Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии [35]. В его ст. 5 предусматривалось не только прямое действие норм Конституции, но и прямое действие международных норм, на что указывает в своем докладе С.Н. Станских [36. С. 133]. Однако закрепление прямого действия федеральной Конституции в законодательстве пришлось только на 1991 г.

Примечательно, что при обсуждении проекта Основного закона 12 июля 1990 г. на втором заседании рабочей группы Конституционной комиссии все выступавшие были едины во мнении: новая Конституция не должна быть ни политической декларацией, ни сводом основных принципов законодательства. Конституция должна быть, прежде всего, исключительно правовым документом, причем документом, в существенных своих частях являющимся законом прямого действия, источником непосредственно действующего права, вплоть до того, что по некоторым делам судебные решения должны применяться непосредственно на основе статей Конституции [37. С. 83]. Полагаем, основной целью закрепления прямого действия Конституции была необходимость сделать ее реально работающим актом. При этом ликвидировав необоснованно разросшееся ведомственное нормотворчество наиболее полно, тем самым обеспечив права и свободы человека и гражданина.

Так, в проекте Конституции, представленном Конституционной комиссией 06.06.1990 г., в ч. 2 ст. 3 нашло свое отражение следующее: «Конституция имеет прямое действие и подлежит применению на территории всей Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, противоречащие Конституции Российской Федерации, не имеют юридической силы» [38. С. 497–498]. В.Д. Зорькин предлагал под прямым действием конституции понимать следующее: «Даже в том случае, если закон есть, гражданин, пришедший в суд, имеет полное право ссылаться непосредственно на текст конституции. Все остальное, звучащее в суде, будет подзаконно этой статье, оно должно будет подпадать под эту статью. Если оно с ней расходится, оно не будет принято к действию» [37. С. 398]. То есть основная суть понимания «прямого действия» сводилась, в первую очередь, к возможности граждан и судов реализовывать конституцию непосредственно.

Однако не все были столь воодушевлены этой идеей. Например, Н.В. Федоров и В.Е. Гулиев высказывали некоторые возражения. По их мнению, заявленный принцип ничем «не отоварен». А из-за декларативности и ненормативности большинства статей их текстом не могут руководствоваться суды и другие правоприменяющие органы. К тому же в 136 статьях Конституции, претендующей на «прямое действие», содержится около сотни отсылок к соответствующим федеральным законам [39. С. 905]. В связи с этим возникает вопрос: если указывается, что положения Конституции ненормативны, какой смысл принятия этого акта?

В.А. Кикоть пояснял: непонимание может вызвать положение о том, что конституция имеет прямое действие, так как всегда у нас к основному закону относились как к пропагандистской декларации и никакой суд не принял бы к рассмотрению иск, юридическим основанием для которого послужила бы та или иная статья конституции. Но эта практика должна быть изменена [39. С. 756].

Обозначенный ранее проект Конституционной комиссии многократно перерабатывался. И указанная статья (ч. 2 ст. 3) [40] подвергалась регулярному переосмыслению, хотя и не изменила своего положения,

сохранив первоначальные нормы и закрепив прямое действие Конституции РФ.

В проекте Конституции, представленном Б.Н. Ельциным, в ст. 65 было сказано: «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, а ее нормы – прямое действие в Российской Федерации» [38. С. 27–28].

Однако данное установление опять же получило критические оценки в размышлениях некоторых ученых. С. Шаталин, В. Никонов находили верным, что Конституция объявлена документом прямого действия. Но в то же время обнаруживали: суды сойдут с ума, если попытаются выносить вердикты на основе очень многих статей предложенной Конституции. Они приводили весьма конкретные примеры: в ст. 44 записано, что «пенсии, социальные пособия, социальная помощь в соответствии с экономическими возможностями общества должны обеспечивать уровень жизни не ниже установленного законом прожиточного минимума». Чем руководствоваться суду: «экономическими возможностями общества» или «прожиточным минимумом», которые вполне могут не совпадать [41. С. 1069]?

По поводу необходимости письменного закрепления прямого действия Конституции РФ непосредственно в тексте Основного закона на заседаниях Конституционного совещания шли длительные дискуссии.

Например, в своих выступлениях Ю.И. Великосельский подчеркивал: «Мне бы хотелось, чтобы мы понимали, что создается закон прямого действия. Вся наша законодательная база будет соизмеряться с основным законом» [42. С. 177]. Г.В. Старовойтова говорила, что Конституция не может быть основным законом непосредственного действия, так как на самом деле каждая статья Конституции развивается и дополняется в «прикладном законодательстве», и ни один суд, по ее мнению, не примет ходатайство, если субъект будет ссылаться просто на статью Конституции [43. С. 297]. Однако А.А. Собчак возражал: «Непосредственное действие конституционной нормы не означает, что она не может быть развита в других законодательных актах – это юридическая истина» [Там же. С. 299].

И по состоянию на 12 июля 1993 г. положение о том, что Конституция имеет прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации, перешло в ч. 1 ст. 15 [44. С. 364], что имеет принципиальное значение: статья вошла в главу Конституции «Основы конституционного строя», закрепившись там как один из основополагающих принципов нашего государства. Вместе с тем, исходя из анализа стенограмм Конституционного совещания, все же невозможно понять, что закладывалось создателями Основного закона в термин «прямое действие». Приведенные дискуссии, мнения, с нашей точки зрения, показывают, что участники «совещания» сами смутно понимали, какую смысловую нагрузку несет положение о прямом действии норм Конституции.

Однако закрепление прямого действия Конституции нашло одобрение среди зарубежных юристов. Так, в экспертизе Венецианской Комиссии Совета Европы указывалось: «Принципиальных возражений не вызва-

ли положения главы 1 проекта Конституции Российской Федерации “Основы конституционного строя”, в которой закреплены основные принципы конституционного строя новой России, переходящей от тоталитарной системы к свободному гражданскому обществу, правовому государству, основными ценностями которых являются человек, уважение прав и свобод человека, плюралистическая демократия, суверенитет народа, господство права, верховенство конституции, приоритет международного права и др.».

Большим достижением последующих проектов по сравнению с первоначальным, представленным Президентом Российской Федерации, профессор З. Кедзя считает появление положения о прямом действии Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 15)» [45. С. 84].

Позднее, после принятия Конституции, И.В. Котелевская и Ю.А. Тихомиров отмечали: хорошо звучит идея прямого действия Основного закона. Вместе с тем это значит: непослушание Конституции – самое тяжкое правонарушение, так как охрана Конституции является обязанностью не только Конституционного Суда, но и всеобщей заботой [46. С. 21].

В итоге в действующей Конституции Российской Федерации 1993 г. в ч. 1 ст. 15 закреплено, что она «имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации» [47].

Очевидно, науке пришлось проделать долгий и непростой путь, прежде чем «прямое действие» оказалось закреплено в Основном законе Российской Федерации 1993 г. и воспринято практикой.

Хотя, с точки зрения современного уровня юридического знания, теория советской социалистической конституции, по мнению Г.М. Сальникова, во многом оправдывала декларативность конституционных положений с помощью выделения двух уровней правоотношений – общих и конкретных. Именно поэтому историческое значение закрепления прямого действия Конституции РФ в современном конституционном праве России заключается в том, что оно направлено на изживание советской и российской (начала XX в.) традиции неприменения конституционных норм. Прямое действие Конституции было призвано ликвидировать в первую очередь разрыв между конституционными нормами и государственной деятельностью по их применению [48. С. 233].

Однако нельзя отрицать интересный факт: нормы Союзной Конституции как Основного закона СССР 1977 г. и Конституции РСФСР 1978 г. в науке рассматривались (например, А.Б. Венгеровым, С.Л. Зивсом, Б.Н. Топорным, Ю.А. Тихомировым и др.) как непосредственно действующие [49. С. 5–11], несмотря на их «общий характер».

В Законе РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР» в преамбуле нашло свое отражение следующее: «Обеспечение верховенства Конституции РСФСР и ее непосредственного действия на всей территории РСФСР является неотъемлемой чертой демократического правового государства Российской Федерации» [50] – это произошло впервые в отечественной консти-

туционно-правовой доктрине и являлось предшественником современного «прямого действия», как справедливо отмечает С.Н. Станских [36. С. 133].

В то же время прямое действие Конституции РФ и непосредственное действие конституционно-правовых норм конституций СССР и РСФСР не являются синонимами, так как советские юристы в непосредственное действие вкладывали идею, прежде всего, о непосредственном применении судами конституционно-правовых норм.

Резюмируя вышеизложенное, полагаем, что:

1) наукой советского государственного права, несмотря на отсутствие соответствующих конституционных формул, была подготовлена солидная теоретическая база для понимания конструкции прямого действия Конституции России;

2) этот материал оказался востребованным при разработке новой конституции демократической России, что находит подтверждение в материалах Конституционной комиссии и Конституционного совещания;

3) обусловлено это тем, что Конституция 1993 г. задумывалась, в отличие от конституций советского периода, как «работающая», реально действующая. В данном контексте без конструкции «прямое действие» невозможно было обойтись, так как именно она является юридической гарантией реальности Конституции.

Вышесказанное определяет закономерность идеи о необходимости закрепления прямого действия Конституции в рамках ее планомерного эволюционного развития, от полного отрицания до закрепления этой формулировки, которая, по мнению создателей Конституции России 1993 г., могла бы изменить отечественную правовую действительность и обеспечить реальность норм Основного закона.

Современное же прямое действие Конституции Российской Федерации – это юридическое свойство норм Основного закона, имеющее легальный характер, выражающее правило действия и реализации норм Конституции независимо от наличия конкретизирующих их нормативно-правовых актов. Категория «прямое действие» включает в себя: во-первых, действие норм Конституции во времени, в пространстве, по кругу лиц; во-вторых, использование, соблюдение, исполнение, применение норм Конституции РФ; в-третьих, ориентирование и требование к органам государственной власти и местного самоуправления к прямому применению норм Конституции.

Рассматриваемое прямое действие Конституции РФ, с одной стороны, является основополагающим – обеспечивающим своим наличием возможность приобретения конституционно-правовыми предписаниями реальности, с другой – обусловлено ее юридическими свойствами – верховенством и высшей юридической силой, что позволяет говорить о нем как о производном от последних. В то же время данное свойство ничем не ограничено, т.е. даже если необходима конкретизация норм Основного закона, это не является его исключением, так как сама конкретизация создается на основе конституционно-правовых предписаний и лишь развивает их с целью наиболее полной реализации, а не устанавливает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония, Индия : учеб. пособие / сост. В.В. Маклаков. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2006. 608 с.
2. Гриценко Е.В. Формирование доктрины прямого действия Конституции в Российском конституционном праве // Государство и право. 2015. № 6. С. 5–18.
3. Кравец И.А. Российский конституционализм: Проблемы становления, развития и осуществления. СПб. : Изд-во Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2004. 675 с.
4. Конституция Литовской Республики, принятая гражданами путем референдума 25 октября 1992 г. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=115>
5. Конституция Республики Болгарии от 12 июля 1991 г. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=1206>
6. Кокотов А.Н. Прямое (непосредственное) действие Конституции Российской Федерации // Вестник Уставного суда Свердловской области. 2009. № 1 (10). С. 59–65.
7. Хессе Конрад. Основы конституционного права ФРГ. М. : Юрид. лит., 1981. 368 с.
8. Залеский В.Ф. Власть и право: Философия объективного права. Казань : Тип. Б.Л. Домбровского, 1897. 297 с.
9. Коркунов Н.М. Указ и закон. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1894. 408 с.
10. Дэйси А.В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции / пер., доп. по 6-му англ. изд. О.В. Полторацкой ; под ред. проф. П.Г. Виноградова. 2-е изд. М. : Типография Т-ва Сытина, 1907. 672 с.
11. Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России. Рукопись. СПб. : Тип. Т-ва Печ. Станка, 1906. 34 с.
12. Витрук Н.В. Верность Конституции. М. : Изд-во РАП, 2008. 272 с.
13. Еллинек Г. Конституции, их история и значение в современном праве. СПб. : Голосъ, б.г. 48 с.
14. Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч. I: Общее государственное право. М. : Типо-литография Выс. утв. Т-ва И.Н. Кушнеревъ и К°, 1894. 484 с.
15. Рейснер М.А. Государство. Пособие к лекциям по общему учению о государстве. Ч. 3: Государственные форма. М. : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1911. 290 с.
16. Лассаль Ф. О сущности Конституции. Ростов н/Д : Издание «Донская Речь» Н. Парамонова, 1905. 74 с.
17. Стучка П.И. Учение о советском государстве и его конституции. 7-е изд. М. ; Л. : Государственное социально-экономическое общество, 1931. 288 с.
18. Гревцов Ю.И. Прямое действие Конституции? // Журнал российского права. 1998. № 6. С. 94–99.
19. Томашевский Н.П. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов // Вопросы общей теории советского права: сб. статей / под ред. проф. С.Н. Братуся. М. : Госюриздат, 1960. С. 194–254.
20. Вильданов Р.Х. Конституции в политической системе буржуазного общества. Тенденции послевоенного конституционного развития в буржуазной Европе и борьба трудящихся. М. : Международные отношения, 1968. 200 с.
21. Еременко Ю.П. Советская конституция и законность / науч. ред. В.А. Ржевский. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 164 с.
22. Ржевский В.А. Особенности советских конституционных норм // Правоведение. 1977. № 6. С. 20–28.
23. Зивс С.Л. Источники права. М. : Наука, 1981. 240 с.
24. Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 2 от 18 марта 1963 г. // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1973. М. : Известия, 1974. С. 279.
25. Зивс С.Л. Конституция СССР в системе советского законодательства // Советское государство и право. 1978. № 6. С. 11–17.
26. Топорнин Б.Н. Конституция СССР 1977 года – основной закон советского общенародного государства // Конституция СССР: проблемы государственного и советского строительства. М. : Изд-во Института государства и права АН СССР, 1980. С. 4–18.
27. Боброва Н.А. Гарантии реализации государственно-правовых норм. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 164 с.
28. Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. Саратов : Приволжск. книж. изд-во, 1967. Вып. 1. 319 с.
29. Шафир М.А. Механизм и основные сферы действия Советской конституции // Советское государство и право. 1979. № 10. С. 12–20.
30. Боброва Н.А., Насырова Т.Я. Непосредственное применение конституционных норм и перестройка конституционной теории и практики // Политико-правовые средства обеспечения перестройки / отв. ред. И.А. Тарханов. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1990. С. 61–67.
31. Федосова В.А. Эффективность действия норм советского государственного права. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 157 с.
32. Тихомиров Ю.А. Теория закона. М. : Наука, 1982. 257 с.
33. Ким А.И. Конституционные нормы и их классификация // Актуальные проблемы государства и права в современный период / отв. ред. В.Ф. Волович. Томск : Изд-во Том ун-та, 1981. С. 3–4.
34. Социалистическое правовое государство: концепция и пути реализации. М. : Юрид. лит., 1990. 320 с.
35. Конституционные идеи Андрея Сахарова: сб. / под ред. Л.М. Баткина. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/batkin-leonid-mihajlovich/konstitucionnie-idei-andreya-saharova-sbornik-pod-red-l-m-batkina/1>
36. Станских С.Н. Утверждение принципа прямого действия Конституции в процессе конституционных перемен в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Стенограмма круглого стола «Прямое действие Конституции: 20 лет Российского опыта» (20–21 сентября 2013 г., г. Санкт-Петербург) / сост. С.А. Белов // Правоведение. 2013. № 6 (311). С. 108–199.
37. Из сообщения о втором заседании рабочей группы Конституционной Комиссии от 12 июля 1990 г. // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) : в 6 т. / под общ. ред. О.Г. Румянцева. М. : Волтерс Клувер, 2007. Т. 1: 1990 год. 936 с.
38. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы / под общ. ред. С.А. Филатова, В.С. Черномырдина, С.М. Шахрая. М. : Юрид. лит., 1995. Т. 1. 599 с.
39. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) : в 6 т. / под общ. ред. О.Г. Румянцева. М. : Волтерс Клувер, 2008. Т. 3: 1992 год. Книга третья : Строительство новой Федерации. С. 905.
40. Конституционный вестник. 1993. № 16. С. 9–64.
41. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) : в 6 т. / под общ. ред. О.Г. Румянцева. М. : Волтерс Клувер, 2008. Т. 4: 1993 год. Книга вторая (май–июнь 1993 года). С. 1069.
42. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы / под общ. ред. С.А. Филатова, В.С. Черномырдина, С.М. Шахрая. М. : Юрид. лит., 1995. Т. 2. 639 с.
43. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы / под общ. ред. С.А. Филатова, В.С. Черномырдина, С.М. Шахрая. М. : Юрид. лит., 1995. Т. 3. 469 с.
44. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы / под общ. ред. С.А. Филатова, В.С. Черномырдина, С.М. Шахрая. М. : Юрид. лит., 1996. Т. 17. 416 с.
45. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы / под общ. ред. С.А. Филатова, В.С. Черномырдина, С.М. Шахрая. М. : Юрид. лит., 1996. Справочный том. 104 с.
46. Котелевская И.В., Тихомиров Ю.А. Конституция и закон в нашей жизни. М. : Правление Общества «Знание», 1993. 48 с.
47. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 дек. (№ 237).

48. Сальников Г.М. Прямое действие Конституции России: исторический аспект // Актуальные проблемы правовой науки : межвузов. сб. науч. тр. Вып. 4 / сост. и отв. ред. С.О. Шаляпин. Архангельск : Поморский гос ун-т. им. М.В. Ломоносова, 2006. С. 239–236.
49. Автономов А.С. Ценность Конституции // Государство и право. 2009. № 3. С. 5–11.
50. Закон РСФСР от 6 мая 1991 г. «О Конституционном Суде РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации от 9 мая 1991 г. № 19. Ст. 621.

Статья представлена научной редакцией «Право» 28 сентября 2017 г.

EVOLUTION OF IDEAS ABOUT THE DIRECT ACTION OF THE NORMS OF THE CONSTITUTION IN THE FOREIGN AND RUSSIAN LEGAL DOCTRINES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 237–246.

DOI: 10.17223/15617793/425/32

Tatyana I. Ryakhovskaya, Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dnight@mail.ru; ryakhovskaya.ti@gmail.com

Keywords: direct action of Constitution; Constitution of Russian Federation; constitutions of foreign countries; direct effect of Constitution of the Russian Federation.

The author carried out a comparative legal analysis of domestic and foreign experience and outlined the main trends in understanding the direct action of constitutional norms that emerged during the Soviet period and when discussing drafts of the Constitution of the Russian Federation. The aim of this study is to develop an original approach to a modern interpretation of the terminological phrase “direct action of the Constitution of the Russian Federation” based on previous achievements of law and clarify its components, which is reasonably required in connection with the absence of a final legal interpretation. The study is based on the theoretical and empirical material. In particular, the former is works by G. Jellinek, G. Kelsen, F. Lassalle, C. Hesse, A.B. Vengerov, Yu.P. Eremenko, S.L. Zivs, A.I. Kim, Yu.A. Tikhomirov, B.N. Topornin, I.E. Farber, N.A. Bobrova, N.V. Vitruk, Yu.I. Grevtsov, E.V. Gritsenko, I.A. Kravets, A.N. Kokotov, M.A. Mityukov, T.Ya. Khabrieva (Nasyrova) and others, as well as materials of the Constitutional Commission and the Constitutional Conference. The latter is the previous national Constitutions, the Constitution of the Russian Federation of 1993 and constitutions of foreign countries. The methodological basis of the research was dialectical, historical-legal and formal-legal methods. In particular, the use of the dialectical method contributed to the study of the direct action of the Constitution of the Russian Federation in its formation and development. The use of historical-legal and formal-legal methods helped to substantiate the historical significance of consolidating the direct effect of the Constitution of the Russian Federation in the modern constitutional law of Russia as a characteristic feature of the rejection of the Soviet and Russian (early 20th century) traditions of non-application of constitutional norms. As a result, the author came to a conclusion that the science of Soviet state law, despite the absence of appropriate constitutional formulas, prepared a solid theoretical basis for understanding the design of the direct action of the Russian Constitution. This material proved to be in demand when developing a new constitution for democratic Russia, which is confirmed in the materials of the Constitutional Commission and the Constitutional Conference. It is due to the fact that the Constitution of 1993 was conceived, unlike the constitutions of the Soviet period, as “working”, really functioning. In this context, it was impossible to do without the design of “direct action”, because it is the legal guarantee of the reality of the Constitution. The foregoing determines the regularity of the idea of the need to consolidate the direct action of the Constitution within the framework of its planned evolutionary development that passed stages from complete denial to the consolidation of this formulation, which, according to the founders of the 1993 Constitution of Russia, could change the national legal reality and ensure the reality of the norms of the Basic Law.

REFERENCES

1. Maklakov, V.V. (2006) *Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv: Velikobritaniya, Frantsiya, Germaniya, Italiya, Evropeyskiy soyuz, Soedinennye Shtaty Ameriki, Yaponiya, Indiya* [The constitutions of foreign states: Britain, France, Germany, Italy, the European Union, the United States of America, Japan, India]. Moscow: Volters Kluver.
2. Gritsenko, E.V. (2015) Formirovanie doktriny pryamogo deystviya Konstitutsii v Rossiyskom konstitutsionnom prave [Formation of the doctrine of the direct action of the Constitution in the Russian constitutional law]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 6. pp. 5–18.
3. Kravets, I.A. (2004) *Rossiyskiy konstitutsionalizm: Problemy stanovleniya, razvitiya i osushchestvleniya* [Russian constitutionalism: Problems of formation, development and implementation]. St. Petersburg: Izd-vo R. Arslanova “Yuridicheskii tsentr Press”.
4. Worldconstitutions.ru. (1992) *Konstitutsiya Litovskoy Respubliki, prinyataya grazhdanami putem referendum 25 oktyabrya 1992 g.* [Constitution of the Republic of Lithuania, adopted by citizens by referendum on October 25, 1992]. [Online] Available from: <http://worldconstitutions.ru/?p=115>.
5. Worldconstitutions.ru. (1991) *Konstitutsiya Respubliki Bolgarii ot 12 iyulya 1991 g.* [Constitution of the Republic of Bulgaria of July 12, 1991]. [Online] Available from: <http://worldconstitutions.ru/?p=1206>.
6. Kokotov, A.N. (2009) Pryamoe (neposredstvennoe) deystvie Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii [Direct action of the Constitution of the Russian Federation]. *Vestnik Ustavnogo suda Sverdlovskoy oblasti*. 1 (10). pp. 59–65.
7. Hesse, C. (1981) *Osnovy konstitutsionnogo prava FRG* [Fundamentals of the constitutional law of the Federal Republic of Germany]. Translated from German. Moscow: Yurid. lit.
8. Zaleskiy, V.F. (1897) *Vlast' i pravo: Filosofiya ob"ektivnogo prava* [Power and Law: Philosophy of Objective Law]. Kazan: Tip. B.L. Dom-brovskogo.
9. Korkunov, N.M. (1894) *Ukaz i zakon* [Decree and law]. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha.
10. Daisi, A.V. (1907) *Osnovy gosudarstvennogo prava Anglii. Vvedenie v izuchenie angliyskoy konstitutsii* [Foundations of Public Law in England. Introduction to the study of the English constitution]. Translated from English by O.V. Poltoratskaya. 2nd ed. Moscow: Tipografiya T-va Sytina.
11. Chicherin, B.N. (1906) *Konstitutsionnyy vopros v Rossii. Rukopis'* [The constitutional issue in Russia. Manuscript]. St. Petersburg: Tip. T-va Pech. Stanka.
12. Vitruk, N.V. (2008) *Vernost' Konstitutsii* [Fidelity to the Constitution]. Moscow: Izd-vo RAP.
13. Jellinek, G. (n.d.) *Konstitutsii, ikh istoriya i znachenie v sovremennom prave* [Constitutions, their history and significance in modern law]. Translated from English. St. Petersburg: Golos”.
14. Chicherin, B. (1894) *Kurs gosudarstvennoy nauki* [The course of state science]. Part I. Moscow: Tipo-litografiya Vys. utv. T-va I.N. Kushnerev” i K°.
15. Reysner, M.A. (1911) *Gosudarstvo. Posobie k lektsiyam po obshchemu ucheniyu o gosudarstve* [The state. A manual for lectures on the general teaching about the state]. Part 3. Moscow: Tip. T-va I.D. Sytina.

16. Lassalle, F. (1905) *O sushchnosti Konstitutsii* [About the essence of the Constitution]. Rostov-on-Don: Izdanie "Donskaya Rech'" N. Paramonova.
17. Stuchka, P.I. (1931) *Uchenie o sovetskom gosudarstve i ego konstitutsii* [The doctrine of the Soviet state and its constitution]. 7th ed. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe obshchestvo.
18. Grevtsov, Yu.I. (1998) Pryamoe deystvie Konstitutsii? [Direct action of the Constitution?]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 6. pp. 94–99.
19. Tomashevskiy, N.P. (1960) O strukture pravovoy normy i klassifikatsii ee elementov [On the structure of the legal norm and the classification of its elements]. In: Bratus', S.N. (ed.) *Voprosy obshchey teorii sovetskogo prava* [Questions of the general theory of Soviet law]. Moscow: Gosyurizdat.
20. Vil'danov, R.Kh. (1968) *Konstitutsii v politicheskoy sisteme burzhuaiznogo obshchestva. Tendentsii poslevoennogo konstitutsionnogo razvitiya v burzhuaiznoy Evrope i bor'ba trudyashchikhsya* [Constitutions in the political system of bourgeois society. Tendencies of post-war constitutional development in bourgeois Europe and the struggle of the working people]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
21. Eremenko, Yu.P. (1982) *Sovetskaya konstitutsiya i zakonnost'* [Soviet Constitution and the rule of law]. Saratov: Saratov State University.
22. Rzhnevskiy, V.A. (1977) Osobennosti sovetskikh konstitutsionnykh norm [Features of Soviet constitutional norms]. *Pravovedenie*. 6. pp. 20–28.
23. Zivs, S.L. (1981) *Istochniki prava* [Sources of law]. Moscow: Nauka.
24. Plenum of the Supreme Court of the USSR. (1974) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR № 2 ot 18 marta 1963 g. [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR No. 2 of March 18, 1963]. In: *Sbornik postanovleniy Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR. 1924–1973* [Collection of decisions of the Plenum of the Supreme Court of the USSR. 1924–1973]. Moscow: Izvestiya.
25. Zivs, S.L. (1978) Konstitutsiya SSSR v sisteme sovetskogo zakonodatel'stva [Constitution of the USSR in the system of Soviet legislation]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 6. pp. 11–17.
26. Topornin, B.N. (1980) Konstitutsiya SSSR 1977 goda – osnovnoy zakon sovetskogo obshchenarodnogo gosudarstva [The Constitution of the USSR of 1977 as the basic law of the Soviet national state]. In: Topornin, B.N. (ed.) *Konstitutsiya SSSR: problemy gosudarstvovedeniya i sovetskogo stroitel'stva* [The Constitution of the USSR: Problems of State Studies and Soviet Construction]. Moscow: Izd-vo Instituta gosudarstva i prava AN SSSR.
27. Bobrova, N.A. (1984) *Garantii realizatsii gosudarstvenno-pravovykh norm* [Guarantees of the implementation of state and legal norms]. Voronezh: Voronezh State University.
28. Farber, I.E. & Rzhnevskiy, V.A. (1967) *Voprosy teorii sovetskogo konstitutsionnogo prava* [Issues of the theory of Soviet constitutional law]. Is. 1. Saratov: Privolzhsk. knizh. izd-vo.
29. Shafir, M.A. (1979) Mekhanizm i osnovnye sfery deystviya Sovetskoy konstitutsii [Mechanism and the main spheres of action of the Soviet Constitution]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 10. pp. 12–20.
30. Bobrova, N.A. & Nasyrova, T.Ya. (1990) Neposredstvennoe primenenie konstitutsionnykh norm i perestroika konstitutsionnoy teorii i praktiki [Direct application of constitutional norms and the restructuring of constitutional theory and practice]. In: Tarkhanov, I.A. (ed.) *Politiko-pravovye sredstva obespecheniya perestroiki* [Political and legal means of ensuring perestroika]. Kazan: Kazan State University.
31. Fedosova, V.A. (1984) *Effektivnost' deystviya norm sovetskogo gosudarstvennogo prava* [Effectiveness of the norms of Soviet state law]. Voronezh: Voronezh State University.
32. Tikhomirov, Yu.A. (1982) *Teoriya zakona* [The theory of law]. Moscow: Nauka.
33. Kim, A.I. (1981) Konstitutsionnye normy i ikh klassifikatsiya [Constitutional norms and their classification]. In: Volovich, V.F. (ed.) *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava v sovremennyy period* [Topical issues of the state and law in the modern period]. Tomsk: Tomsk State University.
34. Nersesyants, V.P. (ed.) (1990) *Sotsialisticheskoe pravovoe gosudarstvo: kontseptsiya i puti realizatsii* [The socialist legal state: the concept and ways of implementation]. Moscow: Yurid. lit.
35. Batkin, L.M. (ed.) (1990) *Konstitutsionnye idei Andrey Sakharova* [Constitutional ideas of Andrei Sakharov]. [Online] Available from: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/batkin-leonid-mihajlovich/konstitucionnye-idei-andreya-saharova-sbornik-pod-red-l-m-batkina/1>.
36. Stanskikh, S.N. (2013) Utverzhdenie printsipa pryamogo deystviya Konstitutsii v protsesse konstitutsionnykh peremen v kontse 80-kh – nachale 90-kh gg. XX v. Stenogramma kruglogo stola "Pryamoe deystvie Konstitutsii: 20 let Rossiyskogo opyta" (20–21 sentyabrya 2013 g., g. Sankt-Peterburg) / sost. S.A. Belov [Adoption of the principle of the direct action of the Constitution in the constitutional changes in the late 1980s – early 1990s. Transcript of the round table "Direct action of the Constitution: 20 years of Russian experience" (September 20–21, 2013, St. Petersburg). Compiled by S.A. Belov]. *Pravovedenie*. 6 (311). pp. 108–199.
37. Rummyantsev, O.G. (ed.) (2007) Iz soobshcheniya o vtorom zasedanii rabochey gruppy Konstitutsionnoy Komissii ot 12 iyulya 1990 g. [From the report on the second meeting of the working group of the Constitutional Commission of July 12, 1990]. In: *Iz istorii sozdaniya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii. Konstitutsionnaya komissiya: stenogrammy, materialy, dokumenty (1990–1993 gg.): v 6 t.* [From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. The Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990–1993): in 6 vols]. Vol. 1. Moscow: Volters Kluver.
38. Filatov, S.A., Chernomyrdin, V.S. & Shakhrai, S.M. (eds) (1995) *Konstitutsionnoe soveshchanie. Stenogrammy. Materialy. Dokumenty* [Constitutional Conference. Transcripts. Materials. Documents]. Vol. 1. Moscow: Yurid. lit.
39. Rummyantsev, O.G. (ed.) (2008) *Iz istorii sozdaniya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii. Konstitutsionnaya komissiya: stenogrammy, materialy, dokumenty (1990–1993 gg.): v 6 t.* [From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. The Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990–1993): in 6 vols]. Vol. 3. Moscow: Volters Kluver.
40. *Konstitutsionny vestnik*. (1993) 16. pp. 9–64.
41. Rummyantsev, O.G. (ed.) (2008) *Iz istorii sozdaniya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii. Konstitutsionnaya komissiya: stenogrammy, materialy, dokumenty (1990–1993 gg.): v 6 t.* [From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. The Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990–1993): in 6 vols]. Vol. 34 Moscow: Volters Kluver.
42. Filatov, S.A., Chernomyrdin, V.S. & Shakhrai, S.M. (eds) (1995) *Konstitutsionnoe soveshchanie. Stenogrammy. Materialy. Dokumenty* [Constitutional Conference. Transcripts. Materials. Documents]. Vol. 2. Moscow: Yurid. lit.
43. Filatov, S.A., Chernomyrdin, V.S. & Shakhrai, S.M. (eds) (1995) *Konstitutsionnoe soveshchanie. Stenogrammy. Materialy. Dokumenty* [Constitutional Conference. Transcripts. Materials. Documents]. Vol. 4. Moscow: Yurid. lit.
44. Filatov, S.A., Chernomyrdin, V.S. & Shakhrai, S.M. (eds) (1996) *Konstitutsionnoe soveshchanie. Stenogrammy. Materialy. Dokumenty* [Constitutional Conference. Transcripts. Materials. Documents]. Vol. 17. Moscow: Yurid. lit.
45. Filatov, S.A., Chernomyrdin, V.S. & Shakhrai, S.M. (eds) (1995) *Konstitutsionnoe soveshchanie. Stenogrammy. Materialy. Dokumenty* [Constitutional Conference. Transcripts. Materials. Documents]. Reference Vol. Moscow: Yurid. lit.
46. Kotelevskaya, I.V. & Tikhomirov, Yu.A. (1993) *Konstitutsiya i zakon v nashey zhizni* [Constitution and law in our lives]. Moscow: Pravlenie Obshchestva "Znanie".
47. Rossiyskaya gazeta. (1993) Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. [Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993]. *Rossiyskaya gazeta*. 237. 25 Dec.
48. Sal'nikov, G.M. (2006) Pryamoe deystvie Konstitutsii Rossii: istoricheskiy aspekt [Direct action of the Constitution of Russia: a historical aspect]. In: Shalyapin, S.O. (ed.) *Aktual'nye problemy pravovoy nauki* [Topical issues of legal science]. Is. 4. Arkhangel'sk: Pomor State University.
49. Avtonomov, A.S. (2009) Tsennost' Konstitutsii [The value of the Constitution]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 3. pp. 5–11.
50. RSFSR. (1991) Zakon RSFSR ot 6 maya 1991 g. "O Konstitutsionnom Sude RSFSR" [The law of the RSFSR of May 6, 1991 "On the Constitutional Court of the RSFSR"]. *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov i Verkhovnogo Soveta Rossiyskoy Federatsii*. 19. 9 May. Art. 621.

Received: 28 September 2017